

9
русс

Владимир Бибихин и московский круг религиозных интеллектуалов

Кристина Штекль

Факультет политических наук Университета Вены

Владимир Бибихин: биографические заметки и московский круг религиозных интеллектуалов

Аннотация

История жизни и труда Владимира Бибихина (1938–2004), несомненно, является примером того, как дореволюционная религиозная философия, православная мысль и критическая философия смогли пережить советские гонения и цензуру, и вступить на новый этап развития после падения коммунизма.

Как представитель и летописец московского круга религиозных интеллектуалов, Бибихин является персонажем истории, главными действующими лицами которой были Алексей Лосев, Сергей Аверинцев, Сергей Хоружий, Ольга Седакова и многие другие. В этой статье я фокусируюсь на этом аспекте работы Бибихина, в особенности на его биографических текстах и дневниках. Его личный опыт и размышления о судьбе русской религиозной философии предоставляют, на мой взгляд, важный контекст, необходимый для понимания Бибихина как философа и переводчика Хайдеггера.

Ключевые слова

Аверинцев, дневник, жизнь, идеология, Лосев

Без сомнения, Алексей Лосев (1893–1988) и Сергей Аверинцев (1935–2004) — наиболее значимые фигуры русской религиозной интеллигенции 1960–1990-х гг. Именно они навели интеллектуальные мосты между дореволюционной религиозной философией и поздним советским периодом, когда религиозная философия оказалась официально реабилитированной. Лосеву и Аверинцеву на занятиях по византийской литературе и классической философии удалось познакомить своих студентов с мыслями Соловьева, Флоренского, Булгакова и т.д. и научить их основам православного богословия.

Творчество Биbihина создает связь между этими двумя мыслителями — Лосевым и Аверинцевым — и объясняет их в историческом и интеллектуальном контексте: Биbihин долгие годы был верным учеником и секретарем Лосева, а также близким другом Аверинцева. Незадолго до своей смерти Биbihин опубликовал книгу заметок, сделанных во время разговоров с ними (Биbihин 2004). В предисловии он пишет, что только что завершил запись разговоров с Лосевым (которые должны были быть опубликованы в виде отдельного тома), но известие о смерти Аверинцева побудило его собрать в одну книгу воспоминания и заметки об обоих: «Говорить об одном, не вспоминая о другом — пишет он, — невозможно» (Биbihин 2004: 305).

Воспоминания Биbihина представляют собой интересный документ о динамике взаимодействий между религиозными интеллектуалами в 1970-е и 1980-е гг. Эти строки позволяют читателю составить представление об интеллектуальной и философской ориентации философов, а также об их профессиональных амбициях и личной вражде.

Хотелось бы отметить, что воспоминания Биbihина об Аверинцеве и Лосеве — глубоко личный документ. При чтении я порой испытывала смущение из-за психологической и эмоциональной искренности автора. Здесь я буду приводить цитаты лишь из наиболее значительных, на мой взгляд, эпизодов.

Владимир Биbihин стал учеником Лосева в 1964 г., поддерживал регулярные контакты и участвовал в научных встречах с ним до 1984 г. С 1970 по 1972 г. он работал секретарем Лосева. Став подопечным Лосева, Биbihин получил доступ к закрытому миру ученого, живущего отшельнической жизнью в своем доме на Арбате, а также к миру мысли, разительно отличающемуся от идеологизированности, царившей в то время на гуманитарных факультетах вузов СССР. Следующее воспоминание Биbihина следует процитировать полностью, поскольку оно очень хорошо передает атмосферу встреч с Лосевым:

Уходя после первого занятия с А.Ф. [Алексеем Федоровичем. — К.Ш.] по Арбату к центру, я был другим. Город изменился, воздух был плотным, пространство глубоким. Я мог плавно двигаться в этой новой плотности. Каждый раз, как я приближался к дому Лосева, Арбат на-

чинал казаться особенно опустевшим, люди на нем совсем неприка-
янными. Кабинет на втором этаже с окнами во двор излучал строгую
отрешенность от внешнего мира. Здесь размышляли. Крупный муж-
чина сидел во внушительных размеров кресле между заставленными
книгами столом и бывшим камином и бодрствовал в молчаливой со-
средоточенности. Здравствуй, Владимир (Бибихин 2004: 11).

Разговоры с Лосевым вращались вокруг Платона и Аристотеля,
Гегеля и Гуссерля, Соловьева и Флоренского, речь шла об эстетике,
мистике и православии, но также и об опыте гонений и преследова-
ний. Как пишет Бибихин, в одном из записанных разговоров Лосев
поощрил своих учеников на изучение трудов святителя Григория
Паламы, заявив при этом, что сам ограничит круг своих исследова-
ний неоплатонизмом:

Отец Павел [Флоренский. — *К.Ш.*] был замкнутый, со мной у него не
налаживался контакт, он боялся меня как мирского человека. Хотя
он должен был бы понять, что я, как и он, нахожусь в поисках. Прав-
да, и гайки стали закручивать. Пришлось прекратить общение.
Остались только некоторые совсем смелые люди, которые приходи-
ли ко мне, а я к ним. Обо всем сразу становилось известно: ах, так вы
собирались вдвоем-втроем дома у Лосева и беседовали о Софии
премудрости Божией? Мы говорили... Тогда все сразу становилось
известно как по мановению волшебной палочки. Вы не можете себе
представить, что значило встречаться в группах по три-четыре че-
ловека. Я чудом выжил тогда. Классическая философия спасла меня.
[...] Теперь, конечно, все легче, хотя и вообще времена другие. Вам
не пришлось выживать, страдать, дорогу прокладывали не вы, а мы,
на наших плечах все выношено, кровь-то проливали не вы, а мы.
Вот и занимайтесь теперь, переводите Паламу. А мне уже и поздно.
Если переключаться сейчас на богословие, на Миня [*Лосев* очевидно
здесь имеет в виду полное издание святоотеческих писаний аббата
Migne, 1875–1884. — *К.Ш.*], так всю литературу надо менять. Нет,
я буду уж по-прежнему заниматься Плотиним. Тут у меня много ма-
териала (Бибихин 2004: 233).

Поддержка Лосевым изучения и перевода трудов Паламы при-
несла свои плоды: Бибихин действительно перевел «Триады в защи-
ту святых исихастов» Григория Паламы.

Следует напомнить, что Бибихин в конце концов разорвал отно-
шения со своим учителем. Уже в 1980 г. Бибихин с подозрением вос-
принимал религиозное возрождение под защитой государства и ис-
пользование православия в националистических целях. В 1985 г. он
перестал общаться с Лосевым после интервью, которое тот опублико-
вал в газете «Правда». Пр процитирую отрывок из письма, которое он

пишет Алексею Лосеву и его жене Азе Тахо-Годи 23 января 1985 г. В письме выражается разочарование тем, что Лосев в его глазах предал совместную борьбу против идеологизации гуманитарных наук:

Благодарю за «крещенское послание». Я этого номера «Правды» с беседой Алексея Федоровича раньше не видел, хотя много разговоров слышал. Конечно, вместо Луначарского «замечательным лектором» можно было бы назвать для примера Федора Степуна, а вместо «безумных крайностей буржуазно-капиталистической цивилизации» сказать просто — «технической цивилизации», цензура бы вполне допустила. «Материалистическое понимание истории» и «классовый враг» — тоже лишний кус сторожевым собакам, как бы их не перекормить, они ведь и без того уже сыты. Но в целом в газете для таких миллионов, наверное, в первый раз послышалось сильное и веселое слово бодрого ума (Биbihин 2004: 293–294).

После падения коммунизма в России православие вновь стало рассматриваться в качестве основания национальной идентификации. Биbihин категорически отвергал любую ностальгию по дореволюционной религиозной философии. Возможно, именно поэтому он выступал против тех, кто хотел превратить Лосева в героическую фигуру религиозного сопротивления. Это отношение проявлялось в его критических размышлениях по поводу создания в доме Лосева музея и центра по изучению русской религиозной философии (Биbihин 2004: 299–302).

В этой же книге Биbihин документирует свою дружбу и сотрудничество с Аверинцевым начиная с 1969 г. вплоть до его смерти в 2004 г. Воспоминания носят нерегулярный характер: иногда между записями в дневнике проходят годы молчания. В предисловии к своей публикации Биbihин пишет о своем друге:

Не бывало, чтобы где-то был Аверинцев и это был не праздник или событие. Поэтому говорить о его достоинствах это одно большое дело, для которого надо читать его книги, задача на будущее. А понять, кто он был, это другое дело, дело веры (Биbihин 2004: 305).

Воспоминания 1970-х и 1980-х гг. являются богатейшим документом, позволяющим прочувствовать атмосферу деятельности и идей, которые возникали в интеллектуальном окружении Аверинцева и Биbihина. Воспоминания следующего периода, после 1991 г., создают связь с нашим временем. Так, например, в воспоминаниях 1995–1996 гг. есть запись о визите Сергея Аверинцева, Константина Сигова, Ольги Седаковой и Сергея Хоружего к Папе Римскому Иоанну Павлу II (если я не ошибаюсь, сам Биbihин не смог присоединиться к ним по состоянию здоровья).

В мемуарах мы также можем прочесть о событиях и встречах в Свято-Филаретовском институте в Москве. Также значительны соображения Бибихина по поводу решения Аверинцева переехать в Вену. Воспоминания передают разочарование автора, когда он видел, как целый интеллектуальный мир распадается под воздействием политических изменений и экономических трудностей постсоветского мира. Эти заметки, с одной стороны, показывают глубокую дружбу между Бибихиным и Аверинцевым, основанную на многочисленных контактах и общих моментах их личной и профессиональной жизни, а с другой стороны, позволяют увидеть напряженность и разногласия между ними.

Работы Бибихина показывают нам безоговорочно антиидеологического мыслителя, настолько одержимого идеей свободы от идеологии, что, кажется, его мысль не останавливается ни на минуту и идет «до победного конца»

Я часто задавалась вопросом, стала ли причиной публикации многих его работ в форме лекций его преждевременная смерть или это редакционное решение было выражением его склада ума. «Ранний Хайдеггер», «Мир», «Энергия», «Язык философии», «Витгенштейн», «Новый Ренессанс» — это книги-конспекты, рукописи его университетских лекций, записанные день за днем, лекция за лекцией. Несомненно, этот материал труден для восприятия тех, для кого русский не является родным; но, кажется, для русскоговорящих он также нелегок. Мне кажется, что такой издательский выбор симптоматичен для его образа мышления.

Разговорный язык отличается от письменной речи. Мы не рассуждаем вслух о философии таким же образом, как пишем философские эссе. Сама форма философского эссе принуждает нас соблюдать множество правил, таких как определение используемых понятий, формулировка нашего вопроса, пошаговое объяснение выводов и заключений. Философская лекция — совершенно другой жанр, она также включает в себя элементы философского эссе, но организует их по-другому. *Говоря* о философии, мы в некотором смысле оставляем ее открытой для ответа, открытой для дальнейшего вопроса. Письменный философский текст, напротив, в некоторой мере есть закрытый текст. Так, может быть, именно из-за этого отличия Бибихин предпочитал лекции в качестве лучшего инструмента для передачи своей философии: философии, которая борется против какого-либо окончательного всеобъемлющего заключения?

Примером того, насколько Бибихин осознавал опасность идеологизации философии, является его отношение к наследию русских религиозных философов. Здесь я подразумеваю не его отношение к работам Булгакова, Бердяева, Флоренского и других, а именно его отношение к использованию наследия этих авторов в конце советского периода и в пост-коммунистической России. В эссе под названием

«Для служебного пользования», опубликованном в книге «Другое начало», Биbihин вспоминает эпизод из 1970-х гг., когда он был занят в проекте, который финансировался правительством. Целью проекта было изучение русской дореволюционной и западной философии. Биbihин критически вспоминает, что советское правительство заинтересовалось русскими религиозными мыслителями лишь потому, что их идеи могли быть использованы для создания официального философского учения в поддержку русского национализма и, в качестве антииндивидуалистической концепции, в поддержку коммунизма.

Власть предрешающие довольно рано отправились на поиски идеологической альтернативы марксизму. Уже в 1973 г. мы знали, что военные политические стратеги планируют скинуть марксизм и взять на идеологическое обеспечение армии православие. В те же годы нас, природных диссидентов, допустили к деньгам, которые органы выделили на идеологическую разведку альтернатив (Биbihин 2003: 181).

«Природные диссиденты», как называет Биbihин себя и своих друзей, были привлечены для перевода и изучения литературы, хранящейся в спецхранах (закрытых для публичного использования отделах) государственных библиотек. Результаты были опубликованы ограниченным и пронумерованным тиражом под грифом ДСП (Для служебного пользования) и были доступны только для государственных чиновников.

Беструдным выходом из идеологического тупика властным стратегам представлялся [...] православный патриотический вариант. Религия, по крайней мере с конца 1970 годов, оказалась среди заметно финансируемых областей информации (Биbihин 2003: 193).

Биbihин вспоминает, что в конце 1970-х гг. для комплектования отделов ДСП книгами на религиозную тематику средств не жалели. Эти исследования, однако, остались на поверхностном уровне, идеологически корректном, как пишет Биbihин, на уровне, просто отражающем в целом критическое положение православия в стране.

Биbihин также работал над переводами западных философов. Кьеркегор, Карл Барт, Пауль Тиллих и Дитрих Бонхеффер были переведены им для издания по современному протестантизму. В 1974 г. Биbihин начал переводить Хайдеггера и вместе со своими коллегами также работал над Мерло-Понти, Ортега-и-Гассет, Сартром и Витгенштейном. В 1976 г. были переведены работы ключевых представителей европейского структурализма и пост-структурализма, например, Умберто Эко и Жака Дерриды. Сотрудниками отдела научной информации и реферирования зарубежной философской ли-

тературы Академии Наук СССР регулярно готовились резюме по западной философии и социальным наукам.

Бибихин вспоминает атмосферу и абсурдность тех лет:

Я помню, с какой жадностью мы смотрели на убывающую стопку этих сборников, которые наш сектор сам должен был хоронить в пакеты для рассылки, надписывая адреса библиотек и учреждений, где все эти переводы должны были глухо лечь в спецхранах. [...] Когда наконец тот массовый Хайдеггер вышел, с Запада уже шла волна тотальной деконструкции, и люди, едва проснувшиеся в России от «раннего Маркса» для знакомства с главной мыслью XX века, поспешили опережая события захлопнуть эту мысль как преодоленную (Бибихин 2003: 188).

Бибихин критически оценивал долгосрочные последствия этой деятельности. По его мнению,

обрывочности текстов, беспокойный тон рефератов, пикантность непривычного взгляда и утрата почвы делали рефератный калейдоскоп скорее отравой, чем питанием [...]. Теперь, когда разжижилась прежняя вязкость московской среды, можно уверенно думать и говорить, что воздух в стране был бы хоть и проще, но чище, если бы общественного «для служебного пользования» некогда не существовала (Бибихин 2003: 196).

Бибихин пишет, что работа в отделе информации открывала окно на Запад, особенно для тех, кому не было разрешено выезжать за границу. Доступ к зарубежным работам в области гуманитарных и социальных наук имел огромное значение для маргиналов, не разделявших официального марксистско-ленинского канона. Абсурдность ситуации заключалась в том, что они оказались закрытыми, замкнутыми среди книг, работая не для широкого читателя. Им даже не разрешали брать домой свои переводы. Использование литературы ДСП вне служебной зоны было уголовным преступлением. В 2001 г. Бибихин вспоминает о давлении в то время:

Были случаи, и не раз, когда при обысках у диссидентов находили номерные издания, и начиналось расследование. В разгоне людей из нашего сектора такие случаи должны были играть какую-то роль, хотя, насколько я знаю, и не главную. Что за хранение номерных сборников меня могут привлечь к ответственности, я боюсь и теперь, весной 2001 года (Бибихин 2003: 189).

Читателям, осведомленным в области православной теологии XX в., интеллектуальная биография Бибихина на первый взгляд на-

поминает траекторию одного известного современного греческого теолога — Христоса Яннараса. У мыслителей действительно есть общее, а именно глубокое знание Хайдеггера. Библихин перевел не только работу Хайдеггера «Бытие и время», но также и «Триады» Паламы. То есть он имел перед собой точно такой же материал, который позволил Яннарасу написать в 1960–1970-х гг. книги «Личность и Эрос», и «Хайдеггер и Ареопагит» (Yannaras 1982; 2005). В отличие от Яннараса, Библихин никогда не проводил прямую связь между онтологией Хайдеггера (*Fundamentalontologie*) и онтологической мыслью, основанной на различиях «сущность-энергия» у Паламы. Библихин, видимо, не считал возможным, читать Паламу с лексикой Хайдеггера. Он тоже никогда не принимал антизападные и антипросвещенческие выводы Яннараса. Как я понимаю, Библихин — в отличие от своего друга и коллеги Сергея Хоружего — не разглядел в развитии православной неопатристики ключ к возрождению русской религиозной философии.

Совершенно ясно, что Библихин не разделял того утверждения, что разница между Паламой и латинской схоластикой представляет непреодолимый водораздел между Востоком и Западом. Он не говорил о столкновении цивилизаций. Напротив, у меня создалось впечатление, что Библихин был обеспокоен прежде всего философскими и духовными проблемами: энергия, свобода, язык — для него это общеевропейские проблемы философии, они касаются не только Запада, а всей современной цивилизации, и Библихин не думал что Православие каким-то образом уже владеет ключом для решения этих проблем.

В этой статье я постаралась дать набросок к портрету Библихина как члена и летописца московского кружка религиозных философов. Не всех, возможно, мне удалось убедить, что эта информация полезна для понимания трудов этого выдающегося русского мыслителя. Но как бы ни было, я полагаю, размышления Библихина будут рассмотрены в этом журнале другими авторами, более компетентными в этом вопросе.

Библиография

- Библихин, Владимир (2003). «Для служебного пользования». В кн.: *Другое начало*. СПб.: Наука.
- Библихин, Владимир (2004). *Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев*. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы.
- Yannaras, Christos (1982). *Person und Eros: Eine Gegenüberstellung der Ontologie der griechischen Kirchenväter und der Existenzphilosophie des Westens*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Yannaras, Christos (2005). *On the Absence and Unknowability of God. Heidegger and the Areopagite*. London & New York: T&T Clark.